

Грешница

История любви

Анри де Ренъе

ГРЕШНИЦА

История любви

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)

Перевод с французского М. Лозинского

Ренье, А. де

Грешница: История любви / Анри де Ренье; [пер. с франц. М. Лозинский.]. – М.: Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2020. – 276 с.

ISBN 978-5-521-74433-6

«В иные времена мы оплакиваем погибшие отрады, в иные — содеянные грехи» — эта цитата из Сент-Эвремона стала эпиграфом к повести «Грешница» одного из «последних романтиков» французской литературы, поэта и писателя Анри де Ренье. В своей «истории» писатель ещё раз раскрывает перед читателем загадку любви, которой не подвластны ни времена, ни нравы: все помыслы и поступки героев вне зависимости от эпохи лишь обнажают нашему взгляду внутреннюю драму человеческого чувства, поработщённого гибельной властью любви.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74433-6

© Т8 RUGRAM, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020
© Перевод. М. Лозинский,
наследники, 2020

ГРЕШНИЦА

*В иные времена мы оплакиваем погибшие отрады,
в иные — содеянные грехи.*

Сент-Эвремон

I

Меня всегда настолько занимали особенности, присущие женскому характеру, что я никогда не упускал возможности узнать что-нибудь новое на этот счет. И я давно заметил, что нет области, в которой бы лучше и нагляднее обнаруживалось то, какими создала их природа, чем область любви. Причины, по которым женщина любит, то, как она это делает, то, как она себя при этом ведет, — все это позволяет нам особенно ясно увидеть ее и разгадать. Нигде женщина не сказывается с такой отчетливостью, как здесь, и ни про одну из них нельзя утверждать, что знаешь ее вполне, если не быть осведомленным о том, как она себя держит в подобных случаях.

Уверенность в этом постоянно побуждала меня тщательно собирать и мысленно приводить в порядок анекдоты и истории, относящиеся к любви. Их немало рассказывается повсюду, и если только слушать, можно услышать превосходнейшие. Поэтому и мне довелось узнать достаточно, и я запомнил изрядное их число, но ни одна история не казалась мне столь любопытной и

замечательной, как история мадам де Сегиран и мсье де Ла Пэжоди, и столь убеждающей в том, что женщины — весьма странные и причудливые существа. Я даже скажу, что едва ли придал бы веру этому роману, если бы сам не слышал его из уст покойного мсье де Ларсфига, моего родственника.

Мсье де Ларсфиг знал действующих лиц этого происшествия, случившегося неподалеку от Экса лет тридцать тому назад: как мсье де Ла Пэжоди, так и вторую мадам де Сегиран и ее мужа, графа де Сегирана, и брата последнего, которого звали кавалером Момороном и который был капитаном галерного флота, и молодого Паламеда д'Эскандо. В юности своей мсье де Ларсфиг был свидетелем некоторых из этих событий, а об остальных дознался из самых верных источников. Это был, к тому же, человек большого ума и высокого рассудка, и свою должность в эксском парламенте, президентом которого он и умер, всегда отправлял с неукоснительностью, достойной воздававшихся ему похвал и того сана, которым был облечен. Поэтому, столь же в силу усвоенной им по роду службы привычки во всем разбираться и все взвешивать, сколь и благодаря предрасполагавшей его к тому же природной склонности, он в совершенной точности запомнил все подробности этого дела, собрал его нити и связал их крепким узлом. Правда, он не отрицал, что в некоторых частностях, оставшихся для всех темными и невыясненными, ему пришлось вообразить и останавливаться на наиболее вероятном, однако полагал, что в этом отношении он едва ли допустил чрезмерную вольность, и, не утверждая, будто он вплотную подошел к истине, был все же убежден, что не уклонился от ведущего к ней пути и

если и не узрел ее воочию, то во всяком случае увидел довольно схожий ее образ.

Как бы то ни было, рассказ мсье де Ларсфига представлял столь законченное и столь связное целое, что неизгладимо запечатлелся в моей памяти. Конечно, я не сомневаюсь, что необычайность событий, о которых я собираюсь говорить, не могла не способствовать их долговечности в моем воспоминании, но если я до сих пор ничего не забыл из того, что мне поведал мой престарелый родственник, то здесь немало значило и само изложение мсье де Ларсфига, которого стоило послушать. Не будучи в состоянии воспроизвести тон оригинала, я постараюсь дать по возможности верный его отклик. Итак, я начинаю, прося извинения за то, что поведу рассказ немного издалека, как это делал мсье де Ларсфиг, ибо им я руковожусь и попытаюсь за ним следовать неотступно.

* * *

Мсье де Ларсфиг довольно забавно говорил, что в лице Маргариты д'Эскандо мсье де Сегиран утратил не только первую жену, но и первую женщину, единственную, о которой он знал нечто большее, нежели то, что можно видеть у всех остальных. Поэтому и горе, вызванное в нем этой утратой, после восьми лет супружества, было подлинным горем. Событие это мсье де Сегиран переживал сообразно своему нраву. А нрав его был из тех, где здравое суждение о чужих достоинствах соединяется с сознанием, что и собственные им не уступают. Таким образом, если воспоминание о прожитых им счастливых временах давало мсье де Сегирану основание чтить память той, которая сделала их для него таковыми,

то вместе с тем он не преминул почерпнуть в нем повод воздать должное самому себе. В самом деле, разве не собственная его рассудительность побудила его избрать приятную и верную супругу, принесшую ему множество душевных и телесных утех, но взамен того и ему обязанную тем, что он дал ей возможность выказать себя во всех отношениях достойною почтенного человека, которому она была безупречной подругой жизни?

Правда, мсье де Сегиран не отрицал в душе, что в этом важном брачном предприятии он был поддержан родительскими советами, но при этом говорил себе, что советы эти оказались плодотворны в силу причин, делавших честь лично ему. Действительно, разве не значит быть примерным сыном, если соглашаешься, чтобы тобой руководили в таком деле, где большинство людей допускает только одобрение своих решений? Разве не доказал он этим свое здравомыслие и не подтвердил, что не напрасны были старания его отца и матери воспитать его настоящим дворянином, каковым подобает быть, когда тебе выпал счастливый удел родиться Сегираном, то есть принадлежать к одному из старейших и наиболее видных родов Прованса?

Таким образом, мсье де Сегиран ничего не нашел возразить, когда отец уверил его, что мадмуазель д'Эскандо обладает всеми качествами для того, чтобы ее супруг был счастливейшим на свете, и что, словом, нет никого, кто был бы привлекательнее, чем она, в облике супруги, разумея под этим не столько черты лица, сколько некую совокупность свойств, присущих всей ее особе. Надо сказать, что в этой мадмуазель д'Эскандо не было ничего неприятного. Ее сложение и осанка дышали достоинством и благородством. Лицо ее нельзя было назвать

прекрасным, но внешность, которую Бог наделяет свои создания, надлежит принимать такую, какая она есть, особенно если в других отношениях он восполняет ее несовершенство. Не следует придирается к делу рук господних и слишком присматриваться к тому, насколько оно закончено. Разве требуется, чтобы, когда жена идет по улице, люди высыпали на порог? Красота зачастую приносит счастью вредные заботы. К тому же, эта мадмуазель д'Эскандо вовсе не была дурна собой, потому что надо быть совсем уж некрасивой, чтобы действительно казаться уродом в те годы, когда молодость старается скрасить непривлекательность или, по крайней мере, придать ей сносный вид.

Того же мнения был и мсье де Сегиран. Иметь жену, к тому же Эскандо, также казалось ему заманчивым. Породниться с этими Эскандо было выгодно. Выйдя из Италии под именем Скандотти, они укоренились в Провансе и пустили здесь великое множество отпрысков. Эксский и марсельский округа были полны Эскандо. Их поросль распространилась по всей долине Роны, охватила Нимские пустоши и Жеводанские горы. На ее обильных ветвях росли всякого рода плоды. Были Эскандо военные и Эскандо судейские. Одни заседали в парламентах, в бархатных шапках, другие служили в армии, ночуя в палатках. Иные, духовные, тучнели в богатых приходах. Один из них покоил свои тела на епископской кафедре во Фрежюсе. Все они шумели и носились с собой, пыжась и чванясь наперебой. Смотря по ремеслу, они судили, дрались, молились, как добрые Эскандо, то есть стараясь извлечь из себя возможно больше пользы. Весьма сплоченные в крупных вопросах, они ожесточенно ссорились из-за мелочей, но в основном они были

согласны, а основное сводилось для них к тому, чтобы всюду занимать как можно больше места, хотя бы даже и споря между собой о местах. Но чуть только кто-нибудь из них вступал в брак или умирал, надо было видеть, как все они стекались на торжество, как они выступали плечом к плечу, гордые сознанием, что они все единой кровью и каждый в твердом убеждении, что в нем одном эта кровь дана во всей ее чистоте и блеске!

Так было и на свадьбе мсье де Сегирана с этой Маргаритой, которая принадлежала к военным Эскандо. По этому случаю вся родня съехалась в Кармейран. Это был довольно красивый дом, в полутора лье от Экса. Его фасад, частью перестроенный отцом мсье де Сегирана, замыкался двумя толстыми угловыми башнями, более старой постройки, пожелтевшими от солнца и изъеденными мистралем. Кармейранский замок, хотя и обширный, едва вместил всех гостей. Они расположились в нем как попало. Старшие, со своими супругами, еще одетыми по былой моде, свысока озирали младших и их жен, наряженных в современном вкусе; но удовольствие чувствовать себя среди своих, в кругу Эскандо, взяло верх, и, в конце концов, они поладили, как люди, которые приехали издалека и не прочь показать себя и повидать других. Получилась довольно забавная смесь. Словоохотливые и молчаливые, шумные и высокомерные, грубые и медоточивые, они являли разнообразнейшие лица, узкие и широкие, костлявые и румяные. Все они обозначали друг друга прозвищами. Говорилось: Эскандо Кривой, Эскандо Урод, Эскандо Маленький. Этот последний был нахал и задира, тогда как Эскандо Заика все время желал говорить, причем никто его не слушал.